

ТАТЬЯНА ВИРТА

ФИЗИКИ И ЛИРИКИ

**Истории из жизни ученых
и творческой
интеллигенции**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В52

Вирта Т.Н.

В52 Вирта Т.Н. / Физики и лирики: истории из жизни ученых и творческой интеллигенции. – Москва: Издательство АСТ, 2017. – 320 с.

ISBN 978-5-17-103829-8

Автору этой книги посчастливилось общаться и дружить с выдающимися писателями и учеными, чьи таланты составили славу XX века.

Многостраничные дневниковые записи и зарисовки позволили Татьяне Вирте сохранить живой облик этих людей и связанных с ними событий. Перед читателем открывается удивительный мир учёных-физиков, где блистали талантами необыкновенно яркие личности, сыгравшие уникальную роль в новейшей истории.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

*Посвящается
Юрию Петровичу Кагану*

Предисловие

Автору этой книги посчастливилось общаться и дружить с выдающимися писателями и учеными, чьи таланты составили славу XX века.

Многостраничные дневниковые записи и зарисовки позволили ей сохранить живой облик этих людей и связанных с ними событий. Возможность стать свидетелем их повседневной жизни была предопределена самой биографией автора.

Татьяна Николаевна Вирта родилась и воспитывалась в семье известного писателя Николая Вирта. Детство и юность она провела в знаменитом посёлке «Переделкино» в дружеской атмосфере семей прославленных советских писателей. (Об этом периоде она написала книгу «Родом из Переделкино», которая вышла в нашем издательстве в 2011г.).

Получив начальное гуманитарное образование в школе и дома, Татьяна Николаевна продолжила его в МГУ, поступив на славянское отделение филологического факультета. Здесь она профессионально изучает сербскохорватский язык и литературу, и по окончании МГУ становится одним из ведущих литературных переводчиков Югославских авторов. В её переводе выходят в свет такие произведения, как «Мост на Дрине» И. Андрича, получивший Нобелевскую премию, романы М. Лалича, М.Црнянского, М.Крлежи, рассказы и повести Б.Чопича, Э. Коша и др.

Общению с этими звёздными авторами Югославской литературы посвящен раздел книги под ироническим названием: «Переводчик, — что такое?» («Черногорцы, — что такое?, — Бонапарте спросил.»)

Новый этап биографии Татьяны Николаевны Вирта начинается с её встречи с молодым учёным, в то время кандидатом физико-математических наук, Ю.М. Каганом, с которым она соединяет свою судьбу.

Ей открывается удивительный мир учёных-физиков, где блистали талантами необыкновенно яркие личности, сыгравшие уникальную роль в новейшей истории.

В этом мире научная деятельность Ю. М. Кагана, академика РАН, лауреата многих премий и награды, почетного доктора нескольких Европейских и Американских Университетов, была тесно связана с видными российскими и зарубежными учёными, с которыми у него и его жены сложились дружеские, а подчас и приятельские отношения.

Таким образом, автор этой книги смог ближе познакомиться со многими представителями современной науки, узнать их взгляды и склонности, их оценку всего происходящего вокруг. Среди тех, кого описывает автор Нобелевские лауреаты, — Жорес Алфёров, Рудольф Мёссбауер (Германия), Уолтер Кон (США), Боб Шриффер (США), Клод Коен-Таннуджи (Франция), а также выдающиеся учёные, — Лев Горьков, Виталий Гольданский, Илья Лифшиц, Ёк Вальравен (Нидерланды), Айк Сильвейра (США) и др.

Москва, 2017г.

**ВСТРЕЧИ
И РАССТАВАНИЯ**

Мне посчастливилось в моей
жизни встречаться с выдаю-
щимися людьми, чьи талан-
ты составили славу XX века.
Хотелось бы сохранить память
о них для будущего.

Поговори со мной о пустяках,
О вечности со мной поговори.

Георгий Иванов.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Наконец, я получила эту книгу, но теперь уже из других рук.

Вечером того дня, когда мы с моей подругой Люшей, Еленой Цезаревной Чуковской, должны были встретиться, нам помешала мерзкая погода — мрак, сырость, слякоть. И мы решили перенести наше свидание на утро. Но утром она позвонила мне сама:

— Ты знаешь, меня прямо сейчас увозят в больницу. Хотят для очистки совести сделать операцию. Потому что от облучения и химии я отказалась. Думала, лучше буду сидеть и ждать у моря погоды.

Это было любимое выражение Люши, если кто-то ее знал, и хотя такая пассивность была ей совершенно не свойственна, о себе она могла говорить исключительно в иронических тонах.

— А книгу я тебе надписала. Не забудь привезти мне свою. Мы же с тобой договорились обмахнуться «нетленками». (Так мы называли с ней наши работы.) Хотелось бы увидеться, конечно, ну, а если нет, то ты мою книгу найдешь на столе.

Если бы знать мне в тот вечер, что наша встреча больше не состоится никогда...

Эту ее надписанную книгу «Чукоккала и около» я нашла у нее на столе, как она и обещала, с трогательной надписью, после того, как Люши уже не стало.

Она была очень больна, — онкология, к тому же поздно обнаруженная. Положение было крайне тяжелое, но ее уговорили, что надо бороться, не все потеряно. Люша лежала в лучшей клинике. Ей занимались светила нашей медицины. Первая операция прошла вроде бы вполне успешно. Ее племянница, Марина, с которой мы были ежедневно на связи, сказала, что была даже удивлена, найдя Люшу после операции все такой же насмешливой и даже оживленной...

Но к вечеру ей стало плохо. Сердечная недостаточность. И снова операция, сопровождавшаяся множеством сопутных осложнений. Все усилия врачей оказались напрасными, — к сожалению, человеческий организм имеет свой предел возможностей.

Люша умерла, не приходя в сознание, в новом, наступившем 2015 году, в полдень 3 января. Ее похоронили 7 января, в день Рождества, в Переделкине. Был сильный мороз, кажется, это был самый холодный день за всю зиму, и поехать на панихиду и похороны я не смогла.

Кладбище в Переделкине. Для меня это не просто деревенский погост, или исторический мемориал с именами знаменитых людей, — для меня это мое семейное кладбище. Папа похоронен на главной тропе, ведущей от входа вглубь кладбища. Серый, мраморный обелиск и надпись:

«Писатель Николай Вирта».

Мама и бабушка, Ирина Ивановна Вирта и Татьяна Никаноровна Лебедева, похоронены прямо за спиной

гробницы Чуковских — Корнея Ивановича и Марьи Борисовны и рядом лежащей их дочери, Лидии Корнеевны. И вот теперь там же Люша, ее похоронили без кремации, прямо в землю. Это семейное решение, конечно же, неоспоримо. Но как заснуть, когда мысли все время возвращаются туда... Мерзлая земля, скованная морозом толпа людей и этот непереносимый звук промерзших комьев о крышку гроба. Просто навяждение какое-то...

Мы с Люшей всегда перезванивались, когда она или я выбирались на кладбище. Взаимно присматривали за могилами близких. Возмущались глухотой и безразличием Епархии к этому историческому месту, ставшему последним приютом для многих и многих известных писателей, поэтов, философов, скульптора Сидура и просто достойных людей нашего времени. Поразительна скупость церковных властей, без усталости возводящих на территории, непосредственно примыкающей к могилам, чудовищный по своей безвкусице «новострой», — храмы, часовни, гостиницы и не выделившей ни гроша, чтобы провести на кладбище водопровод и сделать туалет. Бок о бок на том же кладбищенском холме располагается представительная резиденция Патриарха, а рядом с ней полнейшее запустение и упадок. А как же — любовь к ближнему своему и другие возвышенные ценности?

В своей книге «Родом из Переделкино» (изд. Астрель, Москва 2011г.) я подробно писала о семье Чуковских, наших соседей по даче, приятельские отношения с которыми продолжались у меня очень долго, с 1937 года. Нам с Люшей было тогда лет по семь,

при том, что она младше меня на несколько месяцев. И никто из нас еще не знал, как сложится наша судьба. Сохранится ли наша дружба надолго? И в каком направлении пойдут наши жизненные пути?

Несколько лет назад, когда у нас обеих за плечами была уже солидная часть нашей биографии, мы с ней встретились вновь. Встретились очень горячо, потому что были нужны друг другу, нужны, как никто другой. Нас объединяла память о детстве, — если есть в жизни что-то святое, так это именно воспоминания о нашем детстве, — у кого-то счастливом, у кого-то трудном, но всегда обостренно воспринимающем действительность. В нашем детстве, писательских детей и внуков, обитавших тогда в Переделкине, было много радости, но ничто не могло защитить нас от исторических катаклизмов, которые обрушились на нашу страну. И в мгновение ока прервали наше короткое детство, не дав нам доиграть в наши игры, подрасти и окрепнуть. Война уравнила всех нас, — какие могут быть привилегии у детей, чьи родители оказались на фронте, а сами они с семьей обращены в бегство, называемое эвакуацией?

С первых дней войны нам предстояло испытать все ее ужасы: бомбежки, ночи в подвалах домов, срочно переоборудованных под бомбоубежище, как это было у нас в Москве, в нашем доме № 17 в Лаврушинском переулке.

Помню, как мы сидели с бабушкой в подвале под подъездом № 3 нашего дома. В подвал набилось множество народа. Судорожно вцепившись в доску, избражавшую подобие скамьи, мы с бабушкой не сводили глаз с лампочки, которая раскачивалась на проводе

под бетонным потолком, мигая и грозя оставить нас в крошечном мраке, наполненном страхом, ознобом и гулом. Или ночи на даче в Переделкине, когда на крышу с грохотом сыпались осколки снарядов, едва не пробивая ее насквозь, а в небе шарили прожектора, нащупывая немецкие бомбардировщики, прорывавшиеся к столице.

Мы уезжали в Ташкент с последним эшелонам, увозившим писателей с семьями в тыл, это было 16 октября 1941 г. Ехали около двух недель, нас задерживали на всех станциях, полустанках, а не то и в чистом поле, пропуская вперед составы, переправлявшие на Урал заводы и фабрики. Вскоре у нас начались сильнейшие проблемы с водой и продуктами. От голода нас спасал мой отец. В звании майора он был назначен комендантом эшелона и всеми правдами и неправдами добывал для нас пропитание, выскакивая на остановках из поезда и потрясая какими-то мандатами. Это была лишь прелюдия к тому, что ожидало нас в эвакуации. Все по-разному пережили это тяжелое время. Но в чужом краю невзгоды, неустроенность, недоедание и прочие беды никого не обошли стороной.

После Победы мы вернулись домой не по годам повзрослевшими. Некоторые семьи понесли невосполнимые потери. В семье Чуковских в 1942 году погиб на фронте средний из детей Корнея Ивановича — Борис, и его сын Женя остался сиротой. Корней Иванович и Мария Борисовна, к счастью, его усыновили и стали ему невероятно преданными родителями. Мои подруги — Светлана и Джоя Афиногеновы потеряли отца, — Александр Николаевич Афиногенов погиб при бомбежке в здании ЦК партии в Москве в октя-

бре 1941года. У моего друга Пети и его брата Илюши Петровых в 1942 году при перелете через линию фронта на военном самолете, попавшем под обстрел, разбился отец.

Но и тем, кто остался в живых, выпало на долю перенести столько испытаний, что их с лихвой хватило бы на несколько поколений людей, если бы в мире существовала хоть какая-то справедливость.

Наше детство невозвратно прошло, мы входили в пору юности, еще не зная, что нас ждет впереди.

Совсем недавно я была серьезной девочкой с двумя косичками и усердно занималась своим самообразованием. В школе я училась неважно и ни по каким предметам, кроме литературы и естествознания, особых успехов не имела. Зато с одинаковым рвением изучала «Историю искусства» П.Гнедича и «Жизнь животных» А.Брема, поначалу не вполне осознав, что с генетикой не поспоришь, — литературные способности, полученные в наследство от отца, хотя и сильно ослабленные, жаждали реализации, и часто становились «линией жизни» писательских детей. Но до этого было еще далеко.

С некоторых пор у меня появились новые увлечения, — танцы, наряды. Я вертелась перед зеркалом, готовясь к вечеру, и невероятно переживала свои успехи и неудачи. На дачах у нас крутили без устали патефоны, пластинки, записанные на рентгеновских снимках, шипели, игла соскакивала с борозды, но хриплый голос Утесова или грассирование Вертинского проникали нам в душу, пробуждало неясные мечты о чем-то прекрасном и неизведанном. Предчувствие любви витало в воздухе, но пока это было лишь ожи-

дание того, что должно было прийти и наполнить собой нашу жизнь.

С Люшей нас объединяла в те послевоенные годы неустанная забота о наших младших братьях. Это были бедовые ребята, и уследить за ними было не так-то просто. Ее двоюродный брат Женя, 1939 года рождения, и мой брат Андрюша, 1944 года рождения, постоянно изобретали такие забавы, которые могли закончиться для них весьма печально. В поисках экстремальных видов спорта они постоянно устраивали сумасшедшие гонки на велосипедах, проносясь над канавами и буераками то положив ноги на руль, то подняв руки вверх. Процветало и еще одно соревнование, — привязав толстую веревку к высокой ветке, раскататься на ней с немыслимой силой, после чего спрыгнуть вниз на максимально далекое расстояние. И вот один из них со всего маху рухнул в какую-то яму. Мы с Люшей бросаемся к нему.

— Эй, там! Ты живой?

— Да все нормально!

У-ф-ф! Кажется, пронесло!

Биологические опыты моего брата Андрюши не вредили хотя бы его здоровью. А вот Люшин двоюродный брат Женя имел пристрастие к пиротехнике и только по счастливой случайности однажды чуть было не ослеп и не поджег свою дачу. Петарда, изготовленная Женей, вырвалась у него из рук и, залетев в кусты, с шипением там взорвалась. Мы все были просто в шоке. Ну, что можно было поделать с этим неугомонным мальчишкой?!

Они же были у нас и главными ветеринарами. С нашими домашними животными вечно что-нибудь

приключалось. То чья-то кошка повредит себе лапу. То пес притащится домой с изодранными в клочья боками. Что поделаешь, если соперник оказался сильнее?! Любовь требует жертв. Самое интересное, что собаки и кошки терпеливо переносили обработку ран, прижигание йодом и накладывание на лапу самодельной лангетки. Животные гораздо умнее, чем мы о них думаем.

Ну, а какая морока была с выпавшими из гнезда птенцами — не закинешь обратно в гнездо, кошка мгновенно придушит, а взять трепещущего, едва оперившегося птенца домой — это значит поминутно закладывать корм в ненасытную желтую глотку. Иногда этих птенцов удавалось выходить, и они, оперившись, вылетали на волю из открытого окна террасы. Вспорхнул — и улетел без всякой благодарности, и лишь оставив на память о себе на подоконнике несколько белых пятен.

Для меня переделкинская идиллия кончилась катастрофой.

Сознаю, что предаваться суеверию смешно и глупо. Все это антинаучная галиматья, и с этим надо бороться.

Но однажды вечером я в ванной уронила на кафельный пол маленькое зеркальце, и оно разбилось вдребезги. А утром мой папа объявил моей маме, что уходит из семьи, поскольку полюбил другую женщину и намерен на ней жениться.

Вскоре в Литфонд посыпались заявления о том, что казенная дача используется не по назначению и что сам писатель там не появляется. Моя мама без

всяких пререканий с Литфондом в срочном порядке распродала имущество, — библиотеку, мебель, посуду, утварь и освободила дачу. Какие-то дрызги, судебная волокита и тому подобное — все это было для нее непереносимо, и она предпочитала в одночасье лишиться всего, но избавить себя от неизбежных унижений. Слава Богу, никто не отнимал у нас московскую квартиру в писательском доме в Лаврушинском переулке, но оторваться от дачи, на которой мы прожили двадцать лет, было очень тяжело. Прощай, мой сад! Прощай, цветник! Прощайте, вековые сосны! Над кем теперь вы будете шуметь?

Хотя в паспорте, в графе: « место рождения» у меня и значится город Кострома, но что я могла запомнить о ней, когда меня увезли оттуда годовалым ребенком. Для меня «малой Родиной» было Переделкино, и тоска по нему давила на сердце долгие годы.

И вот я вступила во взрослую жизнь.